

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 009

К. А. Тройчун

г. Пермь, Россия

«СЛЕДЫ» СОВЕТИЗМА: СОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ ПЕРМЯКОВ О 1980-х гг.

АННОТАЦИЯ. В данном исследовании раскрыты смыслы бытовых понятий, вокруг которых строятся воспоминания о повседневности в Перми 1980-х годов. Современные воспоминания жителей Перми о быте дают возможность проанализировать конструкты памяти, связанные со «следами» советизма в российской культуре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СССР, Пермь, культура памяти, конструкты памяти, быт и повседневность, дефицит

К. А. Troychun

Perm, Russia

“TRACES” OF SOVETISM: CONTEMPORARY MEMORIES OF PERM RESIDENTS ABOUT 1980s

ABSTRACT. This research elucidates the meaning of everyday concepts that serve as focal points for memories about everyday life in 1980s Perm. Contemporary reminiscences of Perm residents about everyday routine of this era allow us to analyse constructs of memory tied to the “traces” of sovietism in Russian culture.

KEYWORDS: USSR, Perm, culture of memory, constructs of memory, everyday life, scarcity

Цель данного исследования – описание современных конструктов памяти, связанных с потреблением, характерных для нескольких поколений людей, живших в Перми в 1980-х годах. Эти конструкты являются прямыми «следами» советизма в современной российской культуре, и базируются не только на «голых» воспоминаниях, но и на артефактах материальной культуры: домах советской застройки, остатками советской «роскоши» в виде ковров и хрусталя, а также простых предметах быта советского производства.

Исследование построено на серии из 12 качественных интервью с жившими в Перми в 1980-е годы людьми. Респонденты относили свои семьи к советскому «среднему слою», но при этом имели совершенно разный уровень потребления в позднесоветский период. Вопросы для интервью «покрывали» следующие темы: получение жилья, интерьер и украшение жилья, способы приобретения предметов быта. Опрошенные выступают ретранслято-

рами нарративов о дефиците, до сих пор являясь пользователями и хранителями предметов доступной советскому человеку роскоши. Это активная прослойка людей, конструирующих современную память о быте в позднесоветскую эпоху. Методологически работа основана на теории памяти А. Ассман [1].

Сейчас в историографии имеется несколько параллельных тенденций: в рамках Memory studies выходят новые книги зарубежных теоретиков памяти, таких как А. Ассман, издаются сборники работ русскоязычных авторов о различном применении этой теории на конкретных отечественных кейсах. В основном, эти исследования посвящены мемориальной культуре. В рамках исследований «советского потребления», тема статусного потребления активно разрабатывается историками, культурологами и социологами. А также, трендом является работа с устными историческими источниками, интерес к которым возрастает.

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

В данной статье я сочетаю эти тенденции: если отойти от мемориальной культуры к тому, что можно назвать «памятью о повседневности», и выбрать из устных нарративов о быте прошлого те мотивы, которые повторяются у всей выборки респондентов, выявляются несколько устойчивых конструктов поколенческой памяти. Эти конструкты нужны для понимания перехода от поколенческих памятей к общей культурной памяти и создания эффекта «ностальгии» по СССР среди современников. В таком преломлении тема потребления и памяти не изучена, эта область является обширным новым исследовательским полем, а в рамках статьи поле исследования будет сужено.

В работе будут освещены только два конструкта: о том что «все жили одинаково», и о дефиците, который воспроизводится в мотиве «ничего не было». Коллективное конструирование памяти заметно, когда независимые респонденты настаивают на том, что для выстраивания нарратива о прошлом 80-х годов необходимо или нежелательно употреблять определенные понятия. Для разностороннего анализа памяти о быте и повседневности необходимо первоначальное установление смыслов, релевантных для исследуемой группы, это дает возможность перейти от анализа смысловой нагрузки отдельных понятий к анализу современной памяти о прошлой реальности.

Хотя интервью касались быта в «нейтральном» ключе (например, вопросы о необычных украшениях квартиры), респонденты активно пытались сконструировать воспоминание о расслоении общества в СССР, причем одновременно в разных направлениях. С одной стороны – выраженная стратификация общества по потреблению, а с другой – утверждение об относительном равенстве. Важными категориями нарративов о быте прошлого являются понятия «**богатый**», «**зажиточный**» и «**бедный**».

Типичной для провинциального города является стратификация с разделени-

ем населения на несколько групп. В первых – слой управленцев и номенклатуры, перераспределявший потоки ресурсов. Ближе к ним по обеспеченности расположены семьи, имеющие обставленную многокомнатную квартиру, машину и дачу. Далее по убыванию статусного потребления расположены все остальные. В самом низу были те, чье потребление было минимальным. В интервью мы сталкиваемся с мантрой «все жили одинаково» от людей, принадлежавшим к совершенно разным уровням потребления, но относивших себя к «среднему слою» советского общества.

Представители номенклатуры не видят в себе богатых, полагая что «**богатый**» может быть директор завода. Муж работницы обкома, обладатель чешской мебели, которая по его собственному выражению была «саааамый пик» сообщает о своем отношении к богатству: «Я по своей натуре человек не притязательный, (жена) в этом плане получше разбиралась. И мы не гнались за этим» [Интервью¹ № 8].

Для людей меньшего достатка «**богатый**» - это синоним «наворовавший». Бывший военный-замполит говорит о гипотетических «скрытых олигархах» - которые не многим лучше чем «наворовавшие». [Интервью № 5] Стяжательство контекстуально маркируется недостойным занятием, не только в случае воровства, но даже если оно выражено в желании личного комфорта [2, 3].

Близким к понятию «**богатый**» является понятие «**зажиточный**». Вокруг него возникли разногласия респондентов: одни полагают, что термин «зажиточный» употребим для людей с более высоким уровнем достатка, по сравнению с их собственным: одним из респондентов «зажиточной начальницей» названа героиня фильма «Служебный роман». Для других термин «зажиточный» - это атрибут раскулачиваемых крестьян, не применимый к 80-м годам. Сами респонденты себя «за-

¹ Здесь и далее представлены интервью из личного архива автора, записанные в период февраля-апреля 2016 г.

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

житочными» не называют, как и не относят в эту категорию людей реальных, а не гипотетических или героев кино. Женщина сообщает о своем быте в то время - «не все так жили» перечисляя ковры, германский гарнитур и книги - предметы роскоши, но также говорит о стоянии в очередях, отсутствии нормальной обуви и прочих признаках неблагополучия. [Интервью № 2]. Мы видим, что «богатство» носит негативные коннотации, и что пермяки «среднего слоя» практически не вспоминают реальных примеров «богатых» людей или даже «зажиточных» - что свидетельствует о низком уровне жизни в 80-е годы в Перми.

В отличие от «среднего слоя», действительно «бедные» могут остро ощущать свое положение в прошлом, и понимают, что их быт в прошлом существенно отличался от более обеспеченных людей. Подтверждает это одно интервью с женщиной из семьи «неблагополучной», у нее не было своей квартиры. Она отказалась от дальнейшего участия в интервью, когда вопросы о быте «в общем» перешли к личному опыту. Отказ был мотивирован следующим образом: «я ничего не помню, спросите кого-нибудь другого, кто жил лучше» и «нет, не было у нас ковров - у нас другая жизнь была». [Интервью № 3].

Именно в случае отказа от дальнейшего интервьюирования мы сталкиваемся с реальными болезненными воспоминаниями о дефиците, про который так много сказано было представителями «среднего слоя». Ситуация такова, что память о дефиците транслируют люди, которые не ощущали его на себе в полной мере. Можно предположить, что это связано с тем, что «средний слой» имел возможность потреблять больший спектр товаров и услуг, и соответственно имел больше столкновений с дефицитом.

Разберем подробнее понятие «дефицит»: среди информантов распространены формулировки «ничего не было», «дефицит всего», «очереди за всем», «ничего купить нельзя». Что в реальности представлял собой «дефицит» представи-

телей «среднего слоя»: в семьях имелось по 2 ковра на одну комнату, по количеству комнат в квартире, германский гарнитур, чешская мебель, импортные обои, кафель, люстры из хрусталя и «под хрусталь», бытовая техника, Жигули, Волги, шубы, стенки, серванты, много хрусталя и книг. Говорящие о тотальном дефиците люди перечисляют имевшиеся у них тогда предметы, и сами относят их к «предметам роскоши» для советского потребления. Естественно, нехватка ресурсов затронула все слои населения, можно сказать, что это всеобщая современная травма воспоминания о прошлом. Для Перми характерно, что в один ряд с хрустальной люстрой и автомобилями попадают сапоги, шубы, колбаса, духи, импортные кассеты, джинсы. Причем эти менее фундаментальные приобретения гораздо более ценны с субъективной точки зрения. **Ковры и паласы**, самый доступный вид роскоши в отличие от автомобиля, используются как мерило состоятельности пермяков: без ковров - это «бедно», ковры покупались в приданое, они же были одним из критериев состоятельности жениха. [Интервью № 1, 2, 3, 7].

Особенность воспоминаний - упомянутая триада советского потребления (квартира, машина и дача) не слишком актуальна в памяти респондентов. Квартира им была дана от предприятия, дача мелькает в эпизодах не насыщенных страстями, в отличие от эпизодов приобретения колбасы и сапог. Машину не возделали так же страстно как мебель. Самые желанные предметы роскоши - это мебель, сервизы и хрусталь, обувь. Вокруг этих вещей больше всего эмоций в нарративах, самые длинные очереди и самые сложные пути получения в воспоминаниях.

Если говорить о способах приобретения, то единственным приемлемым всеми способом получить блага являлась «очередь». Чем более «мученическим» было приобретение редкого блага, тем более оправданным казалось респондентам владение им. Спустя много лет люди с гордо-

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

стью вспоминают о «доставании в боях» и говорят о современном изобилии с разочарованием. Очередь как символ дефицита встречается во всех без исключения интервью. Покупка, как момент передачи прав собственности на объект в нарративах отсутствует, но вместо нее есть обозначения усилий для приобретения. «**Купить**» имеет множество синонимов: «урвать», «добыть», «отхватить», «достать», «найти», «отстоять очередь», «стоять за чем-то», «получить» - после чего вещь вырастает в символической ценности и не может быть выкинута просто так.

«**Блат**» как способ обойти очередь можно проиллюстрировать следующим высказыванием: «Блатом занимались все! Понятие блат - это вообще было.», еще его называют «легальным» способом обойти очередь [Интервью № 7, 11]. «Не легальным» являлось воровство, а «полулегальным» способом «добывания» была «**спекуляция**».

В основном респонденты вспоминают яркие моменты о приобретении чего-либо редкого и ценного по меркам того времени. Дефицит для «среднего слоя» выражался сложностью достать статусные вещи, а не их отсутствием. И поскольку считать себя «зажиточным» на основании владения предметами роскоши было не принято, люди в воспоминаниях называют это словом «уют». «Уют» также трактуется как «украсить» и «навести порядок» в доме.

В отличие от стяжательства, вещицизма, мешанства и других наименований желания персонального комфорта, «уют» – не возбраняемая советской идеологией категория быта. Накопительство статусных вещей в позднесоветское время посторонними людьми, будь то квартиры или кольца, осуждается респондентами и называется «жадностью». Собственное накопительство объясняется через понятия «уют», «украшение» или иногда как создание гарантий – что для других редкие товары закончатся, а у человека «будет». Таким образом, время дефицита, когда по высказываниям очевидцев «ничего не было», порождает заполненные предметами доступной роскоши квартиры людей «среднего слоя» и девиз накопительства – «чтоб было».

Таким образом, здесь были рассмотрены два конструкта современной памяти о советском прошлом. Ключевая черта конструктов - противоречивость, или же множественность памяти об СССР. Несмотря на поколенческий дискурс о дефиците, в культурной памяти откладывается ностальгическое представление об СССР как о «золотом веке» потребления. Возможно, это связано с тем, что ежедневно люди имеют дело с материальными артефактами той эпохи и больше склонны доверять компаративному опыту, в котором «следы» СССР широко представлены оставшейся материальной культурой, а дефицит – словами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 187 с.
2. *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 320 с.
3. *Утехин И.* Очерки коммунального быта. – М.: ОГИ, 2004. – 277 с.